

ЛЕГЕНДА О СОН-ТРАВЕ

Екатерина Суворова

Екатерина Суворова
Легенда о сон-траве

«Автор»

2026

Суворова Е.

Легенда о сон-траве / Е. Суворова — «Автор», 2026

В дремучем лесу, куда не заходит даже солнце, живёт старая Ведьма. Тысячу лет она прячет в чаще страшную тайну. Из-за любви данная ведьме клятва нарушена, и с тех пор каждую весну на проталинах появляются загадочные сиреневые цветы. Те, кто вдыхает их аромат, засыпают и видят во сне незнакомку с глазами цвета сумерек. В наши дни молодой мужчина, сам того не зная, оказывается втянут в эту историю. Его тянет в чащу, где на поляне сон-травы он чувствует: то, что он искал всю жизнь, совсем рядом. «Легенда о сон-траве» — тёмная и тёплая сказка, выросшая из старинных русских поверий. История о любви, которая не умирает. Сон-трава* многолетнее травянистое растение семейства Лютиковые. Народные названия: сон-трава, подснежники.

© Суворова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Ведьма	5
Глава 2 Соня	10
Глава 3 Встреча	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Суворова

Легенда о сон-траве

Глава 1 Ведьма

Давным-давно, в те стародавние времена, когда звери ещё умели говорить человеческим голосом, а деревья помнили, как земля была молодой, стоял на краю света дремучий лес. И был тот лес так густ и велик, что солнце запутывалось в его ветвях, а луна не решалась заглядывать в самую чашу, боясь заблудиться навеки. Люди обходили его стороной, кто по делу, кто по глупости, а кто и по старой памяти, зная, что в сердце леса живёт та, кого лучше не тревожить.

В самой тёмной глубине, куда и зверь не всякий заходит, стояла избушка. Давным-давно она была на курьих ножках и умела поворачиваться к лесу задом, а к гостю передом. Но гости перевелись, ножки вросли в землю, опутались корнями, заросли седым мхом. Избушка осела, покосилась, почернела от времени и глядела на мир единственным подслеповатым оконцем словно старуха, которая уже никого не ждёт.

В этой избушке жила Ведьма.

Была она стара, как сам лес. Говорили, будто ей тысяча лет, а может, и того больше. Кожа её напоминала кору древнего дуба, руки - узловатые корни, а глаза её были один карий, другой белёсый, как зимняя луна. Карим глазом она видела живых, белёсым мёртвых, и оттого смотрела на мир так, будто читала раскрытую книгу, в которой записано всё: что было, что есть и что только будет.

Звали её по-разному. Лесные духи Матерью Чащи. Звери Той кто не спит. Деревенские - просто Ведьмой, а то и бабкой-ведуньей, когда нужда заставляла идти к ней с поклоном, дети звали Бабой Ягой. Но сама она своё имя давно позабыла. Имя что вода: утечёт сквозь пальцы, если держать её слишком долго.

Утро того дня выдалось хмурое, неласковое. Весна только-только набирала силу, снег ещё лежал в оврагах, съёжившись и почернев, а на проталинах уже пробивалась первая робкая зелень. Пахло сырой землёй, прелой хвоей и талой водой.

Ведьма стояла на крыльце, куталась в плащ из волчьих шкур и недобро щурилась. Весну она не жаловала. Весна время надежд, а надежду старуха вырвала из сердца тысячу лет назад и на том месте поселила пустоту. Весной всё пробуждается, тянется к свету, радуется. А она, пережила тысячу вёсен и каждая новая казалась насмешкой.

— Опять весна, — прошамкала она беззубым ртом, и голос её прошепестел сухим камышом. — Опять эта проклятая весна.

Где-то вверху застучал дятел, дробно, настойчиво. Ведьма поморщилась, махнула рукой в ту сторону, и стук тотчас умолк. Птица сорвалась с дерева и улетела прочь, испуганно хлопая крыльями.

— То-то же, — проворчала старуха и спустилась с крыльца.

Ноги у неё были кривые, обутые в лапти из лыка. Не от бедности - сапоги она могла добыть в любой миг, стоило лишь захотеть, а потому что лапти кость не жмут и не скрипят попусту. Она обошла избу кругом: проверила, не отсырели ли стены, не завелась ли в подполе какая нечисть. Нечисти она не боялась, да и какая нечисть сунется к той, что сама страшнее любой нечисти? Но порядок любила.

Подпол был сух. Стены держались. Крыша, крытая мхом, перезимовала без протечек. Только прошлогодний горшок с сушёной беленой кто-то опрокинул, черепки валялись на земле, а трава рассыпалась серой пылью.

— Крысы, — прошипела ведьма и погрозила в темноту подпола костлявым пальцем. — Ну, погодите у меня...

Она выпрямилась, держась за поясницу, и вдруг замерла. Что-то изменилось. Не звук, не запах, а само ощущение леса стало другим. Так бывает, когда в тихий пруд падает камень: кругов ещё нет, а вода уже не та.

Ведьма насторожилась. Лес молчал, но молчание это было полным, густым, как кисель. Так молчат звери перед грозой. Так молчат птицы, когда рядом крадётся волк.

— Чует моё сердце, — проговорила она в пустоту, — быть беде.

С этими словами она вернулась в избу и затворила за собой тяжёлую дубовую дверь.

Внутри пахло сухими травами, печным дымом и старостью. Угли в печи ещё тлели, бросая на стены красноватые отсветы. Вдоль стен на полках громоздились горшки, туески, пучки трав, связки корней. У окна стоял грубо сколоченный стол, а на нём ступа. Не та, в которой по небу летают (летать она давно перестала, кости не те, да и некуда), а простая, для трав, и рядом пестик, отполированный до блеска долгой работой.

Старуха опустилась на лавку и уставилась в огонь.

Тысяча лет это так долго, что за это время забываешь почти всё. Отца, мать, землю, на которой родилась. Но есть вещи, которые не забываются. Они вгрызаются в память, как голодный зверь в кость, и держат до самого конца. А конца всё нет.

Когда-то и она была молодой. Не просто молодой, а юной, глупой, доверчивой. Любила. Родила дочурку, маленькую, тёплую, пахнущую молоком. Помнила её смех, её пухлые ручки, первое слово. И помнила, как всё закончилось.

Люди. Они пришли с факелами и вилами, потому что боялись. Они всегда боялись того, чего не понимали. Её сожгли на костре, но она не умерла, а стала тем, чем стала. А дочь... Дочь сгорела в том огне. Крик её до сих пор звенел в ушах старой ведьмы, особенно в долгие зимние ночи.

— Ничего, — прошептала она. — Они заплатили. Все заплатили.

Это была правда. За тысячу лет она отомстила. Всем, кто сжёг, кто давно лежали в сырой земле и их детям, внукам, правнукам. Насылала на деревню неурожай и падёж скота. Путала тропы, заводила охотников в трясины. Крала младенцев из люлек, не со зла, а чтобы хоть на миг почувствовать, как бьётся рядом живое сердечко. Но младенцы умирали быстро, не выдерживали холода её рук.

А потом она устала. Мечь, как и любовь, со временем выдыхается. Остаётся только пепел.

Теперь она просто жила. Варила зелья, говорила с ветром, кормила ворона, что прилетал к её окну каждую осень. И ждала. Чего ждала? Она и сама не знала.

Ворон прилетел и нынче, хотя была весна, а не осень. Он опустился на подоконник, стукнул клювом в мутное стекло. Ведьма встрепенулась, открыла оконце.

— Ты чего? Рано ты нынче.

Ворон склонил голову набок и каркнул, хрипло, тревожно. Ведьма умела понимать язык птиц. Не словами, а чутьём, по тону и ритму. Сейчас ворон говорил: «Беда идёт. Беда большая».

— Беда? — переспросила старуха и прищурила белёсый глаз. — Какая ещё беда?

Ворон переступил с лапы на лапу, взъерошил перья, сорвался с подоконника и полетел в самую гущу леса. Ведьма долго смотрела ему вслед, потом покачала головой и закрыла окно.

— Ну, будь что будет, — сказала она и принялась толочь в ступе сушёный корень мандрагоры.

День прошёл в хлопотах. Она смешала истолчённый корень с медвежьим жиром, скатала шарики, разложила на полке. Это зелье помогало от лихорадки. Кому помогать? Люди к ней не ходили. Звери да, звери приползали. То лиса с перебитой лапой, то заяц с рваной раной. Она лечила их, сама не зная зачем, наверное, просто чтобы занять руки и не слушать, как ноет сердце.

К вечеру небо затянуло тяжёлыми тучами. Запахло грозой, первой весенней грозой, что приходит внезапно и бушует так, будто хочет разбудить мёртвых. Ведьма вышла на крыльцо, вдохнула влажный ветер и нахмурилась. Гроза это не просто погода, гроза всегда знак. Что-то надвигается. Что-то, чего она ещё не видит.

— Что ж, — молвила она в пустоту. — Пусть приходит. Я своё отжила.

Но она ошибалась. Самое главное в её жизни ещё только начиналось.

А тем временем на опушке леса, где сосны ещё пропускали вечерний свет и где тропинка вилась меж кустов черники, шла молодая женщина. В одной руке она несла лукошко, другой держала за руку дочку, совсем ещё кроху, лет пяти. Девочка что-то щебетала, смеялась, указывала пальчиком на красные ягоды, а мать улыбалась и отвечала ей тихим, ласковым голосом.

— Соня, не отставай, — говорила она. — Скоро домой, Соня.

— Ещё немножко, мамочка! — просила девочка. — Вон там ягодки!

И они шли дальше, не замечая, как небо тяжелеет, как лес вокруг становится темнее и гуще, как ветер начинает гнуть верхушки деревьев. А из глубины чащи за ними уже следили голодные жёлтые глаза.

Старая ведьма в своей избушке вздрогнула, будто кто-то холодной рукой коснулся её плеча. Она подбросила в печь поленьев, огонь вспыхнул ярче, но ей отчего-то стало зябко.

— Чует моё сердце, — повторила она в третий раз и обхватила плечи руками. — Ох, чует...

За окном ударил первый гром. Тяжёлые капли забарабанили по крыше. А где-то далеко, на тропинке, маленькая девочка по имени Соня вдруг запнулась и испуганно прижалась к матери.

— Мама, мне страшно...

— Ничего, родная, ничего, — сказала мать, поднимая дочку на руки. — Это просто гроза. Но это была не просто гроза. Это судьба поднимала свой занавес.

Глава 2 Соня

Давным-давно, когда зима ещё спорила с весной за каждый овраг, а снег лежал в низинах, съёжившись и почернев, на опушке того самого леса стояла деревенька. Была она невелика, дюжина дворов, крытых соломой, да церквушка с облупившейся колокольней. Жили в ней люди простые: пахали землю, пасли стада, собирали грибы да ягоды. Леса не боялись, потому что знали его с детства, но в самую чащу не ходили, хватало им опушки. А о старухе, что жила в сердце леса, рассказывали шёпотом и детям наказывали: «Далеко не забегайте, не то Ведьма утащит».

В той деревне, в крайнем доме, что стоял ближе всех к лесу, жила женщина по имени Марьяна. Была она вдова, муж её утонул в половодье три года назад, оставив ей лишь светлую память да дочку. Дочку звали Соней, и было ей пять лет. Смешливая, голубоглазая, с ямочками на щеках и волосами цвета спелой пшеницы. Она любила собирать камушки у реки, слушать, как мать поёт за прялкой, и задавать вопросы, много-много вопросов, один другого чуднее.

В тот день Соня проснулась раньше обычного. Солнце только-только позолотило краешек неба, петухи ещё не кричали, а она уже сидела на лавке и болтала босыми пятками.

— Мама! Мамочка! — затеребила она Марьяну. — Ты обещала! Ты вчера обещала за ягодами!

Марьяна улыбнулась, потянулась, откинула с лица русую прядь.

— Обещала, — сказала она. — Только кашу съедим сначала. И оденься потеплее — утро то вон какое зябкое.

Соня скорчила рожицу, каша была её извечным врагом, но спорить не стала. Маму она слушалась. Мама была у неё одна на всём белом свете, и Соня любила её так, как умеют любить только дети: беззаветно, безоглядно, всей душой.

Утро выдалось прозрачное, хрупкое, какое бывает только ранней весной. Воздух пах талой водой, мокрой корой и чем-то неуловимо сладким, может, первой зеленью, что уже проклёвывалась на проталинах, а может, самим обещанием тепла. Марьяна взяла лукошко, накинула платок, поправила Соне шапочку та всё норовила сдёрнуть её, говорила, что колется, и они вышли за околицу.

До леса было рукой подать. Тропинка вилась меж кустов орешника, ныряла в неглубокий овражек, где журчал мутный ручей, и упиралась в стену деревьев. Здесь начинался лес.

— Соня, не отставай, — сказала Марьяна, беря дочку за руку. — В лесу держись рядом. И не убегай вперёд.

— Я помню, мамочка! — Соня кивнула, но глаза её уже горели охотничьим азартом.

Лес встретил их тишиной. Спокойной, глубокой, как дыхание спящего. Сосны стояли, словно стражи, укутанные в тёмно-зелёные мантии. Сквозь кроны пробивались косые солнечные лучи, и в них плясали пылинки. Где-то вверху пересвистывались пичуги, но негромко, почти шёпотом.

Соня шла, задрав голову, и ахала. Она любила лес. Он казался ей живым, огромным и добрым. Деревья были похожи на великанов, которые замерли, чтобы не напугать её. Кусты на пушистых зверушек. А цветы, первые весенние цветы, выглядывающие из-под снега, и вовсе были чудом.

— Мама, смотри! — она дёрнула Марьяну за рукав и указала на жёлтый пушистый бутон, пробившийся прямо сквозь ледяную корочку. — Какой красивый! Как будто маленькое солнышко!

— Это мать и мачеха, — сказала Марьяна, останавливаясь. — Старые люди говорят, что если положить такой цветок под подушку, увидишь во сне судьбу.

— Судьбу?

— Судьбу, — Марьяна улыбнулась и потрепала дочку по шапке. — Тебя ждёт прекрасная судьба.

Соня присела над цветком, разглядывая его с тем пристальным вниманием, на какое способен только ребёнок. Цветок и правда был диковинный: яркий, жёлтый улыбался прямо в снегу.

— Пойдём, — сказала Марьяна. — Пойдём, ягодки наши ждут.

Они шли дальше. Лес постепенно менялся: сосны расступались, уступая место берёзам и осинам, тропинка становилась шире, солнце светило ярче. Здесь, на прогретых солнцем полянках, уже сошёл снег, и среди пожухлой травы проглядывали первые ягоды — мелкие, тёмно-красные, похожие на бусины.

— Ой, мама, сколько их! — Соня захлопала в ладоши и бросилась собирать.

Марьяна не спешила. Она остановилась на краю поляны и огляделась. Что-то её тревожило. Что-то неуловимое. Так бывает, когда заходишь в пустую комнату и знаешь, что в ней кто-то есть. Она прислушалась. Птицы всё ещё пели, но как-то тише, приглушённое. Ветер утих. И воздух стал плотнее, тяжелее, будто перед грозой, хотя небо над головой было чистым и синим.

— Мама, иди сюда! — звенел голосок Сони. — Тут сладкие-сладкие!

— Иду, родная, — отозвалась Марьяна, отгоняя нехорошее предчувствие. Мало ли что померещится в лесу? Лес есть лес.

Она принялась собирать ягоды, но то и дело поднимала голову и всматривалась в чащу. Кусты по краю поляны стояли плотной стеной, и в их тени мерещилось движение. Ветер. Конечно, ветер. Ветер качает ветки.

А Соня ничего не замечала. Она перебегала от куста к кусту, пачкая пальцы ягодным соком, и тихонько напевала песенку, которую мать пела ей перед сном:

«Спи, моя рыбка, усни,

Тёмные ночи длинны.

Месяц на небе плывёт,

Сон к нам на землю идёт...»

Песенка была простая, но Соня её любила. Она вообще много чего любила: и песенки, и ягоды, и лес, и маму, и запах дыма из трубы, и кота, что жил у них во дворе и был таким ленивым, что даже мышей ловил нехотя.

— Мам, а можно ещё чуть-чуть? — она показала на дальний край поляны, где ягоды были особенно крупными. — Вон туда!

Марьяна вздохнула. Солнце уже перевалило за полдень, пора было возвращаться. Но Соня смотрела с такой мольбой, что она не устояла.

— Пять минут, — сказала она. — И домой.

Соня побежала. Марьяна проводила её взглядом и вдруг заметила, что птицы замолчали совсем. Не постепенно, не одна за другой, разом, будто кто-то повернул невидимый выключатель. Тишина навалилась на лес, плотная и злая.

И тут она поняла, что именно показалось ей странным. Ветра не было. Ветра не было уже давно, с тех самых пор, как они вышли на поляну. А кусты шевелились. Вдали послышался гром и первые капли, начали капать на землю.

Марьяна уронила лукошко. Ягоды рассыпались по земле, тёмными каплями застыли на траве.

— Соня, — позвала она. Голос прозвучал тихо и хрипло. — Соня, вернись.

Но девочка была уже далеко, на дальнем краю поляны. Она наклонилась над особенно крупным кустом и азартно обирала его, бормоча что-то себе под нос.

И тогда кусты расступились.

Сначала Марьяна увидела только жёлтые глаза. Они горели в тени, как два угля, и в них не было ни злобы, ни голода, ничего такого, что можно было бы понять или оправдать. В этих глазах была только воля. Воля делать то, для чего зверь создан.

Волк вышел на поляну.

Он был огромен. Марьяна видела волков и раньше, они иногда подходили к деревне в голодные зимы, но этот был другим. Он был больше, старше, страшнее. Шерсть его, серая с рыжеватым отливом, свалаялась в колтуны, на боках проступали рёбра. Голодный. Очень голодный.

Он не смотрел на Марьяну. Он смотрел на Соню.

И Соня, почувствовав этот взгляд, замерла. Пальцы её, перепачканные соком, застыли над кустом. Она медленно, очень медленно обернулась.

— Ма-ма, — произнесла она по слогам. Голосок её дрогнул.

А потом время будто расколосось на осколки. Всё происходило одновременно: волк прыгнул, Марьяна закричала, сорвалась с места, побежала, спотыкаясь о корни, не чуя ног под собой. Лукошко осталось лежать на траве, ягоды вмялись в землю.

— Соня! — кричала она. — Беги! Беги, родная!

И Соня побежала. Она услышала мамин голос, и он приказал бежать. Маленькие ножки замелькали по траве, шапочка сбилась на затылок, платице задралось. Она бежала, не разбирая дороги, не видя ничего перед собой, слыша только одно: собственное дыхание, громкое и частое, как у зайчонка.

А Марьяна встала между волком и дочерью.

В руках у неё не было ничего, кроме материнского сердца. Ни палки, ни камня, ни ножа. Только любовь. Только любовь, которая встала во весь рост и сказала: «Нет».

— Нет, — выдохнула Марьяна. — Нет, не тронь.

Волк остановился. Он смотрел на женщину, и в его жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Он не привык, чтобы добыча сопротивлялась. Не привык, чтобы кто-то вставал у него на пути. Он зарычал, глухо, утробно, и этот рык прокатился по поляне, ударился о деревья и замер.

Марьяна не двинулась с места.

— Соня, беги, — повторила она уже тише, почти шёпотом. Она знала, что дочка не слышит, та была уже на другом конце поляны, но не могла не сказать. — Беги, родная. Мама любит тебя.

Волк прыгнул.

А Соня бежала. Она не видела, что случилось потом, и это было единственной милостью, которую подарила ей судьба. Она слышала крик, короткий, страшный, но не поняла его, слышала раскаты грома. Она бежала, бежала, бежала, пока ноги не перестали её слушаться, пока лёгкие не загорелись огнём, пока лес вокруг не стал совсем тёмным и чужим.

Деревья смыкались за спиной, тропинки путались, небо исчезло за чёрными тучами. Соня упала, поднялась, упала снова, разбила коленку, но даже не заметила этого. Ветки хлестали её по лицу, корни хватили за ноги. Ей казалось, что весь лес ополчился на неё, хотя на самом деле лес просто был лесом, равнодушным и древним.

— Мама! — звала она в темноту. — Мамочка!

Но мама не отвечала.

Наступил вечер. Солнце, пробивавшееся сквозь кроны, погасло. Гроза ушла, Лес погрузился в зеленоватый сумрак, который с каждой минутой становился всё гуще. Заухала сова.

Зашуршало что-то в подлеске. Соня остановилась и поняла, что заблудилась. Совсем, окончательно, безнадежно заблудилась в лесу, из которого нет выхода.

Она прижалась к стволу старой сосны и заплакала. Слезы текли по грязным щекам, капали на платье, на мох. Она плакала негромко, без всхлипов и не могла остановиться. Мама. Где мама? Почему она не идет? Почему не зовёт?

— Ма-ма, — прошептала Соня в последний раз и закрыла глаза.

Надеяться ей было не на кого.

Но в самой глубине чащи, в избушке, вросшей в землю, старая Ведьма вдруг оторвалась от своей ступы. Белёсый глаз её блеснул в полутьме. Она выпрямилась, повела носом, принялась.

— Человечье отродье, — проскрипела она. — В лесу.

Она постояла, прислушиваясь к чему-то, чего не слышал никто другой, и вдруг накинула на плечи волчий плащ. Сама не зная зачем. Сама не зная почему. Что-то вело её. Что-то, что было старше её самой.

Ведьма вышла из избы и растворилась в темноте.

А где-то на краю леса, на поляне, залитой лунным светом, лежало лукошко с рассыпавшимися ягодами. Ветер шевелил их, перекачивал по траве. Над поляной кружил ворон — тот самый, с подоконника старой избушки. Он каркнул раз, другой и улетел в чащу.

Лес молчал. И в этом молчании уже писалась судьба. Судьба девочки, которая потеряла мать, и ведьмы, которая потеряла дочь.

И над всем этим равнодушные звёзды и молодая луна, что видела на своём веку и не такое.

Глава 3 Встреча

Ночь в этом лесу была не просто временем суток. Она была хозяйкой. Она выползала из оврагов, как чёрное молоко, заливала низины, поднималась до самых крон и гасила звёзды одну за другой. В такую ночь даже луна не решалась смотреть на землю, отводила взгляд, пряталась за облаками, словно боялась увидеть что-то, чего видеть не следует.

В такую ночь лес становился собором. Деревья колоннами, уходящими в бесконечность. Туман ладаном. Тишина молитвой, которую шепчут не губами, а самим сердцем. И в этом соборе была своя богиня, древняя, забытая, но всё ещё живая.

Она шла через чашу.

Там, где ступали её лапты, мох не проминался. Ветви сами отводили от неё колючие пальцы. Даже тени, что прятались под корнями, замирали и не смели шевелиться, пока она проходила мимо.

Ведьма.

Та, что старше этого леса. Та, что помнила времена, когда земля была плоской, а звёзды, близкими, как яблоки на ветке. Тысяча лет одиночества сгорбила её спину, но не сломала. Тысяча лет скорби сделала её лицо похожим на маску, вырезанную из коры, но глаза, два глаза, один карий, другой белёсый, всё ещё горели. Карий видел мир живых, суету, боль, короткое счастье. Белёсый видел мир мёртвых, покой, тишину, бесконечное ожидание. И оба глаза сейчас смотрели в одну точку.

Она шла на запах.

Она чувала горе. Горе имеет свой запах, соль, пепел, сырая земля и что-то ещё, тонкое, едва уловимое. Запах детства, которое закончилось слишком рано. Она знала этот запах. Когда-то, тысячу лет назад, он исходил от неё самой.

Маленькая Соня не знала, что за ней идут. Она вообще уже ничего не знала. Она брела сквозь ночной лес, спотыкаясь о корни, натыкаясь на стволы, и мир вокруг неё сузился до размеров одного-единственного желания: сделать ещё шаг. Потом ещё один. И ещё.

Платье порвалось о колючий кустарник. На щеках запеклась кровь из царапин. Волосы, светлые, пшеничные, спутались, и в них застряли сухие листья. Она была похожа на маленького лесного духа, дикого, загнанного, потерянного.

— Мама, — шептала она, но лес не отвечал.

Лес вообще редко отвечает людям. Он слишком стар, чтобы тратить слова на тех, кто живёт так мало.

Она упала. Поднялась. Упала снова. На этот раз сил встать не хватило. Она доползла до огромного дуба, такие дубы называют царскими, они живут по пятьсот лет и помнят ещё те времена, когда люди приносили к их корням дары, и заползла в дупло. Там было темно и пахло трухой, но ветер не пробирал до костей, и это уже было благословением.

— Мамочка, — прошептала Соня в последний раз и закрыла глаза.

И тогда пришла она.

Ведьма выступила из темноты, словно часть этой темноты вдруг обрела форму. Волчий плащ струился за её спиной, как крылья. Глаза горели. Она остановилась у дуба и долго стояла неподвижно, глядя в дупло.

Там, в глубине, дрожал огонёк. Жизнь. Маленькая, трепещущая на ветру жизнь. Такая хрупкая, что, казалось, дунешь и погаснет.

— Вылезай, — сказала ведьма.

Голос её был сух и ломок, но в нём звучало что-то древнее, как сама земля. Так говорят не люди. Так говорят горы, если бы они умели говорить.

В дупле зашуршало. Соня открыла глаза и увидела два огня, жёлтый и белый. Они висели в темноте, как звёзды, упавшие с неба и застрявшие в ветвях.

— Вылезай, кому говорю! Не трону. Пока.

Соня зажмурилась. Страх не было, страх остался там, на поляне, вместе с волком и маминым криком. Здесь было только оцепенение. Глухое, свинцовое, как вода в зимнем омуте.

— Мама, — прошептала она. — Mamочка, забери меня...

Ведьма услышала это слово. «Мама». Слово, которое она не произносила вслух уже тысячу лет. Оно ударило её в грудь, как удар колокола, и пошло гулять эхом по пустым залам сердца. Никто не видел, как дрогнули её губы. Никто не знал, что в этот миг она вспомнила свою дочь, маленькую, тёплую, с запахом молока и мёда. Дочь, которую у неё отняли.

— Нет у тебя мамы, — сказала она, и слова упали, как камни в колодезь. — Нет больше. Волк её загрыз.

Она хотела, чтобы девчонка заплакала. Хотела, чтобы закричала, забилась, попыталась убежать. Так было бы проще. Проще оставить её здесь, на съедение ночи. Проще повернуться и уйти в свою избу, к своим травам, к своему одиночеству.

Но Соня не заплакала. Она открыла глаза и посмотрела на ведьму, прямо, без страха, без надежды. Так смотрят те, кому уже нечего терять.

— Тётя Ведьма, — сказала она. Голосок был тихий, как шелест листьев. — А ты меня съешь?

Тишина. Даже ветер замер. Даже деревья, казалось, наклонились ближе, чтобы услышать ответ.

— Чего? — переспросила ведьма. Она ожидала чего угодно, но не этого.

Она замолчала. Соня тоже молчала. Две потерянные души стояли друг перед другом в ночном лесу — одна в начале пути, другая в его конце.

— Как звать-то тебя? — спросила ведьма.

— Соня.

— Соня... — старуха попробовала имя на вкус, как пробуют старое вино из забытого погреба. — Соня. София, значит. Что ж, София. Идти можешь?

— Ноги... ноги не идут.

Ведьма наклонилась. Движение было медленным, как у старого дерева, что клонится к земле под тяжестью веков. Она подхватила девочку на руки и поразилась тому, какая та лёгкая. Как пёрышко. Как лепесток.

Соня прижалась к волчьему плащу. От ведьмы пахло дымом, сухими травами и чем-то горьким, древним, как земля на курганах. Но этот запах не пугал. Он был странным, чужим, но не злым.

— Спасибо, — прошептала девочка.

— Не за что пока, — буркнула ведьма. — Может, я тебя в суп пушу. У меня как раз мяса нет.

И тут случилось то, чего ведьма не ожидала. То, чего не случалось уже тысячу лет. Соня улыбнулась. Слабо, едва заметно, но улыбнулась.

— Тётя Ведьма, — сказала она. — А ты добрая.

— Я?! — старуха чуть не выронила её. — Да я самая злая ведьма на всём белом свете! Меня деревни за три версты обходят! Моё имя шёпотом произносят, чтобы не накликать беду! Меня волки боятся!

— А меня не съела, — сказала Соня и заснула. Просто закрыла глаза и заснула, уткнувшись носом в колючий мех.

Ведьма замерла.

Она стояла посреди собора ночного леса, держа на руках спящего ребёнка, и весь мир вокруг неё затаил дыхание. Деревья склонили ветви. Тени припали к земле. Даже звёзды, что прятались за облаками, кажется, выглянули на миг, посмотреть, что происходит.

Тысяча лет. Тысяча лет она не держала в руках ничего живого. Тысяча лет её пальцы касались только трав, кореньев, камней и мёртвых вещей. И вот теперь это. Маленькое, тёплое, дышащее сердце, что бьётся рядом с её сердцем.

Она вспомнила свою дочь. Вспомнила так ясно, словно это было вчера. Те же светлые волосы. Та же беспомощность. Та же вера в то, что мир добрый. Вера, которую она сама потеряла тысячу лет назад, когда факелы осветили ночь и крик её девочки разорвал тишину.

— Вот ведь напасть, — прошептала ведьма, и в её голосе впервые за много веков прозвучало что-то, похожее на растерянность.

Она двинулась в чашу. Лес расступался перед ней, как расступаются воды перед тем, кто владеет словом. Ветви убирались с дороги, корни прятались в мох, тропа сама ложилась под ноги. Старая магия, древняя, как мир, всё ещё служила ей.

Избушка встретила их молчанием. Лучина в ней давно погасла, печь остыла. Ведьма переступила порог, опустила девочку на лавку и зажгла свет. В жёлтом колеблющемся огне она разглядела то, что принесла: рваное платье, сбитые колени, царапина через всю щёку, спутанные волосы. И лицо, спокойное, умиротворённое, как у ангела со старых икон.

Она налила в плошку воды и принялась обмывать раны. Руки, что могли сломать хребет волку, что смешивали яды, способные убить одним дуновением, эти руки двигались мягко и осторожно. Так глядят лепестки. Так касаются крыльев бабочки, чтобы не стереть пыльцу.

— Соня, — прошептала ведьма. — Соня, значит.

И вдруг остановилась. Покачала головой.

— Нет. Соня — то имя, что мать тебе дала. Соня осталось там, с мамой. В той жизни. А здесь, — она обвела взглядом тёмные стены, — здесь ты будешь София. Слышишь меня? София.

Девочка не ответила. Она спала, глубоко, безмятежно, как спят лишь те, кто переступил черту отчаяния и нашёл за ней не смерть, а покой.

Ведьма укрыла её своим плащом и села рядом. За окном занимался рассвет, серый, мглистый, неласковый. Где-то далеко прокричал ворон. Тот самый, с подоконника. Но теперь его крик звучал не тревожно. Скорее, задумчиво. Вопросительно.

— Что, старый? — ведьма усмехнулась, не разжимая губ. — Думаешь, спятила? Может, и спятила. А может, — она посмотрела на спящую Софию, — может, это и есть моё наказание. Или награда. Тысячу лет я ждала знака и вот он. Явился. В рваном платье и с разбитыми коленками.

Она замолчала. Пламя лучины колебалось, и тени на стенах танцевали медленный, завораживающий танец. Ведьма смотрела на девочку, и в её белёсом глазу отражалось то, чего не видел карий: две тропы, расходящиеся от этого мига. Одна вела к свету. Другая во тьму. И обе были ещё не пройдены.

— София, — повторила она, и в устах её это имя прозвучало как клятва. — Да будет так.

Она погладила девочку по спутанным волосам, неуклюже, коряво, но с нежностью, на какую способны лишь те, кто когда-то любил.

Так началась эта история. История ведьмы, что потеряла дочь, и девочки, что потеряла мать. История о том, как тьма и свет сплетаются в один узор. О том, что даже в самом чёрном сердце может прорасти зёрнышко любви.

А что было дальше, то уже другая глава.

Первый луч солнца коснулся крыши избушки. Лес просыпался, и вместе с ним просыпалась новая жизнь. Старая ведьма всё сидела у лавки и смотрела, как спит София. Лицо её, веками не знавшее улыбки, дрогнуло, но этого никто не увидел.

Никто, кроме леса.
А лес умеет хранить тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.